

Глава 30 - «Сумасбродство Шангуань Нин»

Шангуань Нин пожала руку Шангуань Жоусюэ. С холодным выражением лица она грубо сказала: «Держись от меня подальше!»

Если бы Нин не убрала руку, то Жоусюэ точно упала бы от ее напора, и всё вокруг решили бы, что Нин толкнула Жоусюэ.

Она уже использовала такие схемы; она прошла путь от неистово беспомощного человека, пытавшего всем всё объяснить так, будто от этого зависела ее жизнь, до молчуньи, побуждающей понимать ее неправильно, и наконец, превратилась в человека, который бьет первым и одерживает верх.

Избалованная Шангуань Жоусюэ тихо вскрикнула от боли, и Ян Вэньшу, которая с симпатией ее обнимала, спешно осмотрела руку девушки.

Красивые глаза Жоусюэ наполнились слезами, словно у нее была причина для печали: «Сестра, ты всё еще злишься на меня, да?»

Нин усмехнулась и ответила так, как того и хотела названная сестра: «Да!»

Жоусюэ не ожидала такого ответа и грустно ответила: «Сестрёнка, я... Я действительно люблю Чжоцзюня, я не отнимала его специально! Если ты всё еще презираешь меня, я... Я брошу его и верну тебе, хочешь? Сестрёнка, умоляю, прошу, прости меня! Ах, как я несчастна...»

Шангуань Нин молчала, позволяя ей продолжать концерт в объятиях Ян Вэньшу.

Шангуань Чжэн не выдержал. Указывая на нее пальцем, он гневно закричал: «Хватит! Каждый раз, когда ты приходишь домой, ты тревожишь даже цыплят и собак! Я вообще отец для тебя? Убирайся!»

Колкая ухмылка появилась на лице Шангуань Нин, и она усмехнулась: «Заместитель мэра, я еще ничего не сказала с того момента, как переступила порог, а твоя жена и дочь уже раздули целое действо. Неужели мне придется уйти, не дав им закончить? Мое выступление еще даже не началось!»

«Я не хочу ничего слушать. Убирайся и никогда не возвращайся сюда! Я, Шангуань Чжэн, не хочу иметь такую бесстыдную дочь, как ты!»

Шангуань Нин вышла из себя и без налёта какой-либо вежливости и без промедления открыла самую глубокую сердечную рану: «Ха, значит, теперь я тебе не дочь? Почему же ты мне раньше это не сообщил, когда вручил меня человеку-растению? Наверное, использовать меня и выбросить оказалось очень выгодно!»

Эта фраза сильно ударила по гордости Шангуаня Чжэна и подорвала его самооценку. Разгневавшись, он замахнулся и ударил Нин по лицу.

Раздался шлепок, и лицо девушки мгновенно припухло. На бледной коже четко виднелся красный след от пяти пальцев.

Она утерла кровь с уголка рта и сердечно расхохоталась, словно безумная.

Вместе со смехом полились и слёзы.

«Что, я надавила на живое? Ты используешь свою дочь ради карьеры. Ты смеешь это делать, но не разрешаешь мне об этом говорить?! Ты и сам считаешь это позорным поступком, сам смотришь на себя свысока, так? Но больше всех презираю тебя я!»

«Замолчи!» - вместе со злостью, на лбу мужчины выступили вены. Он сжал кулаки, чтобы сдержать желание снова отвесить дочери пощечину.

Видя, что отец в гневе готов кого-то ударить, Шангуань Жоусюэ спешно вышла вперед и обняла его за руку, мягко переубеждая: «Папа, не злись. Сестра просто разозлилась и болтает чепуху, не злись на нее!»

Сказав это, она посмотрела на Нин: «Сестрёнка, ты говоришь чушь. Скорее извинись перед отцом, и он точно тебя простит!»

Шангуань Нин пропустила эти слова мимо ушей, словно Жоусюэ не существовало.

Сохраняя ровную спину, она приподняла подбородок и холодно посмотрела на Шангуань Жоусюэ: «Я пришла сюда только чтобы спросить о происшествии в школе. Это ты отправил людей сделать это?»

Шангуань Чжэн не ожидал, что Нин об этом спросит. Он тут же разъярился еще сильнее: «Какая мне выгода делать это? Ты с ума сошла, раз подозреваешь мою причастность к этому! Убирайся отсюда, я больше не хочу видеть тебя ни секунды!»

Слушая это, Нин медленно выдохнула.

Она уже двадцать лет была дочерью Шангуаня Чжэна и немного его понимала. Если он говорил, что происшествие его не касалось, значит, точно не участвовал в этом.

Хотя он и не помогал Го Шуаю причинять зло Нин, но он и не помогал ей. Вместо этого отец использовал деньги для решения своих проблем.

Слезы в глазах Нин постепенно высохли, а выражение лица снова стало спокойным и холодным: «Ты знал, что я невиновна, но не стал спорить с людьми, ты боишься, что эта проблема испортит твою карьеру. Ну и ладно, мне не нужна твоя помощь. Я разберусь сама! Пускай весь город знает, что дочь заместителя мэра Шангуаня подставили!»

«Ты не посмеешь!» - всё тело мужчины затряслось от злости. Теперь, при его нынешнем выдающемся статусе, люди уже многие годы не решались говорить с ним в таком тоне.

Подробности только ухудшили бы ситуацию, поэтому дело должно было быть под контролем Шангуаня Чжэна и не выходить на свет, какой бы не была правда. Всё это не важно, главное - всеобщее молчание!

«Почему это я не посмею! У меня больше нет жениха, дом рухнет на части, работа потеряна, и я едва не лишилась жизни! Мой путь тяжел, но я рискну своей жизнью, чтобы бороться. Пока я жива, даже не надейся на легкий исход!»

В гневе Чжэн схватил чайную чашку и швырнул ее в Нин.

Шангуань Нин увернулась от чашки, но горячему чаю всё же удалось облить ей лицо.

Чашка рухнула на пол, тут же расколовшись на кусочки.

«Как ты смеешь идти против меня! Ты – отвратительная дочь! Я тебя вырастил, и вот так ты мне отплатила!» - Шангуань Чжэн решил, что вырастил неблагодарную стерву.

С самого детства он окружал Нин парчовыми нарядами и нефритовыми блюдами, а теперь она решила отомстить ему! Разве в ее долг дочери не входит помощь отцу?!

Нин побледнела, капли стекали по ее лицу. Она холодно ответила: «Только мама дала мне жизнь и только она растила меня*. Ты отдал свою отеческую любовь только своей незаконной дочери, мне любви не досталось!»

«Твоя мать мертва!» - гневно заорал Шангуань Чжэн.

Спокойствие покинуло Шангуань Нин, и все ее тело затряслось. Хриплый голос выражал неопишуемую боль в ее сердце: «Тогда расскажи мне, как действительно умерла моя мать! Почему она бросила меня, зачем убила себя!»

Это была самая глубокая рана на сердце Шангуань Нин, рана, которую никто не должен был трогать.

Когда кто-то упоминал об этом, девушка тут же впадала в истерику.

«Хаха...» - ее смех был хриплым и неприятным уху, он вызывал чувство страха, от которого волосы вставали дыбом.

«Кровь моей матери по всему этому дому. Она умерла, страдая, болезненно, умерла неудовлетворенной! Вы, ребята, спите тут каждую ночь, неужели она не нашла вас? Только не говорите, что спокойно спите в комнате, которую она украшала? Надеюсь. Моя мать не станет медлить с мстостью за меня»

Смерть предыдущей жены шипом засела в сердце Чжэна, и этот шип не стоило трогать. Сегодня же Шангуань Нин воткнула его глубже со всей силой.

Он невольно выпалил: «Она покончила с собой, это ни к кому другому не имеет отношения! Только ее вина в том, что она была узколобой и не могла смириться с другими людьми!»

Нин взглянула на него и усмехнулась: «А ты такой добрый, что не можешь смириться даже с собственной дочерью! Почему моя мать должна была мириться с неизвестной женщиной и неизвестным ребенком, которого та принесла к нашим дверям! Они – твоя вина, почему моя мать должна была терпеть последствия!»

Она подняла руки, чтобы вытереть капли чая с лица, и произнесла слова, насторожившие всех троих: «Если вы, ребята, будете и дальше давить на меня, я доложу муниципальному комитету, скажу, что заместитель мэра Шангуань имел внебрачную связь и произвел на свет незаконного ребенка от своей любовницы. Он боялся, что жена раскроет секрет, поэтому убил ее вместе со своей шлюхой!»

*- фраза «дала мне жизнь и растила меня» скорее означает заботу, чем понимается буквально.